

«В седых камнях Сугдейской старины»

Эти слова Максимилиана Волошина вполне могли бы стать эпиграфом к небольшой книге, изданной микроскопическим тиражом московским Домом-музеем Марины Цветаевой и молниеносно разошедшейся. Речь идет о материалах научно-тематической конференции «Сестры Аделаида и Евгения Герцык и их окружение».

«Для меня имела значение дружба с Е.Г., которую я считаю одной из самых замечательных женщин XX века, утонченно-культурной, проникнутой веяниями ренессансной эпохи...» Так писал Николай Бердяев, вспоминая дни незабываемого общения с Евгенией Герцык.

«У меня давно-давно, еще в Москве, было о ней чувство, что она не знает греха, стоит не выше его, но как-то вне. И в этом была ее сила, мудрость, очарование, незлобивость, вдохновенность... Земно кланяюсь ее могиле (родное, жаркое, выжженное кладбище — как я это знаю и как мучительно люблю!).»

А это — слова о Сергия Булгакова, которые он написал из Парижа в Судак в 1925 г., узнав, что Аделаида Герцык, одна из самых значительных поэтесс Серебряного века, навсегда успокоилась после подвалов ЧК и крымского голода 20-х на старом судакском кладбище.

Сейчас, когда и следа уже не осталось от этого кладбища — «камней сугдейской старины», когда через несколько месяцев исполнится шестьдесят лет со дня расстрела в Орловской тюрьме блистательного филолога и математика Даниила Жуковского — сына Аделаиды Герцык, когда более полувека прошло со времени смерти Евгении Герцык в далекой деревне Курской области, феномен этих двух удивительных женщин и их наследие все больше и больше привлекают внимание исследователей русской культуры. Потому что прекрасная, утонченная поэтесса Аделаида Герцык и ее сестра Евгения, блестящая переводчица Ницше, во многом определяли камертон религиозно-философских и литературных поисков интеллектуальной элиты России начала XX века.

Николай Бердяев и Максимилиан Волошин, Вячеслав Иванов и Марина Цветаева, о. Сергей, а до того просто религиозный публицист Сергей Булгаков, Михаил Кузмин и Иван Ильин — да трудно перечислить всех, кто наслаждался их обществом и в Москве, в Кречетниковском переулке, и в Судак, где отец сестер, инженер-путеец Казимир Антонович Лубны-Герцык, переписав свое дворянство из Витебского в Таврическое, купил дом, который, как ни странно, сохранился до сих пор.

Во многом труды Аделаиды и Евгении и память о них остались благодаря внучке Аделаиды Герцык, сотруднице музея Цветаевой в Москве Татьяне Никитичне Жуков-

Слева направо:
Л.Ю.Бердяева,
Н.А.Бердяев,
А.К.Герцык,
Е.К.Герцык,
М.А.Волошин,
Л.А.Жуковская.
Судак, 1909.
Собрание
Т.Н.Жуковской.

ской, которая сберегла уникальный родовой архив через все годы советской власти. Вместе с петербуржанкой Еленой Калле Татьяна Никитична составила и выпустила эту книгу.

Нет ничего удивительного в том, что 200-страничный сборник исчез, не успев появиться. Думается, многие, изучающие или просто любящие Серебряный век, хотели бы иметь эту книгу.

Посудите сами. Незданная автобиографическая справка Вячеслава Иванова в отточеном, как обычно, научно-справочном обрамлении Николая Котрелева, отменно подготовленная статья Елены Коркиной о взаимоотношениях Цветаевой и Аделаиды Герцык, работа Нелли Комоловой «Мой Рим» Евгении Герцык — о той роли, которую сыграла Италия в жизни Евгении Казимировны, работы, посвященные поэтике Аделаиды Герцык и Софьи Парнок, воспоминания неутомимой Марии Спендиаровой, выигравшей немало битв с партийцами от культуры за русский авангард и историческое наследие Крыма, и разные другие материалы, так или иначе связанные с родом Герцык.

Но, наверное, особое внимание стоит обратить на письма Даниила Жуковского, сына Аделаиды Герцык и философа, издателя журнала «Вопросы жизни» Дмитрия Евгеньевича Жуковского.

«Сейчас действительно просто стыдно петь соловьем, а я, по-видимому, именно так и пел бы... Я тебе писал о «трагическом» в нищевском смысле мироощущении, которое рождается после нескольких месяцев жизни в современной Москве...»

«Вообще мне теперь становится ясно, что мне в свое время следовало бы всю энергию направить на математику, а не заниматься литературой...»

Первая цитата — из письма Даниила Жуковского, помеченного ноябрем 1936 г., вторая — из письма отцу из тюрьмы, когда смерть уже заглядывала ему в глаза.

Может быть, даже эти несколько почти наугад выбранных строк дают уже какое-то представление о масштабе личности этого человека, сказавшего на допросе: «Не могу примириться с советской властью в одном пункте — это то, что я верю в Бога».

Когда недавно «Новое литературное обозрение» опубликовало фрагменты его работы «Элементы слова», перед филологами, как Атлантида, вдруг возникла огромная фигура ученого, создавшего теорию поэтики, теорию стиха, во многом превосхитившую многочисленные более поздние «экзистенциальные» книги. Он переводил Андерсена и совершенно серьезно пытался создать свою поэтическую алхимию — математическую формулу золотого сечения применительно к стихам.

Понимая, что все предрешено, и не питая никаких иллюзий, он продолжал и в тюрьме мучительно-напряженно размышлять над этими проблемами и просил отца помочь ему именно в этой работе. Только что в «Новом мире» появились записи Даниила Жуковского, и все желающие вполне могут убедиться, как чувствовал слово этот самородок, не доживший и до тридцати лет.

Инна Андреева, предваряя статью «Ведь сам я маленький» о письмах Жуковского конца 30-х годов, эпиграфом взяла его перевод песенки Андерсена об аисте, который летит домой к детям, да только детей скоро не станет: кого повесят, кого сожгут...

Его не сожгли, не повесили. Просто расстреляли. Но остались письма, которые вместе с другими образцами подлинной, настоящей культуры возвращаются к нам на страницах этого сборника, вышедшего, к сожалению, таким маленьким тиражом.

ВИКТОР ЛЕОНИДОВ

Москва

Сестры Аделаида и Евгения Герцык и их окружение. Материалы научно-тематической конференции в г.Судак 18-20 сентября 1996. М., 1997.